

на солнечной стороне

ДИНА
РУБИНА

**ДИНА
РУБИНА**

Вавилонский район
безразмерного города

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *П. Петрова*

Рубина, Дина.

Р82 Вавилонский район безразмерного города / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100597-9

В творчестве Дины Рубиной есть темы, которые занимают ее на протяжении жизни. Одна из них — тема Рода. Как, по каким законам происходит наследование личностью родовых черт? Отчего именно так, а не иначе продолжается история того или иного рода? Можно ли уйти от его наследственной заданности? Бабка, «спивающая» песни и рассказывающая всей семье диковатые притчи; прабабка-цыганка, неутомимо «присматривающая» с небес за своим потомством аж до девятого колена; другая бабка — убийца, душегубица, безусловная жертва своего времени и своих неукротимых страстей... Матрицы многих историй, вошедших в эту книгу, обусловлены мощным переплетением генов, которые неизбежно догоняют нас, повторяясь во всех поколениях семьи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Рубина, 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-100597-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЗАВЕДЕННЫЙ ПОРЯДОК ЭТОГО МИРА

Старики занудны... Кто вообще вслушивается в то, что они говорят, особенно, если это *твои старики*: бабка, дед, бабкина сестра Бэрта с ее дурацкими «партейными собраниями»... Старики рассказывают ветхозаветные притчи, интересные одним лишь тараканам на кухне. Старики допотопны, их проблемы ничтожны, их жалобы смешны. В конце концов, они помирают — и это правильно. Старики должны помирать, а иначе для чего существует заведенный порядок этого мира?

И вдруг однажды ты понимаешь, что, собственно, сама превращаешься... ну, не в старуху пока, а как бы это помягче... *в женщину в возрасте*. Что у тебя тут ненароком возникли внучка и внук, дорогие тебе детища, замечательные ребятки, которым до тебя — и это так заметно! — совершенно нет дела. Моя деловая внучка недавно отрезала посреди какой-то моей высокоумной фразы: «Баба, помолчи, а? Мешаешь...» И мое первое желание возразить

ДИНА РУБИНА

семилетней засранке, что меня пока вполне таки слушают полные залы, а читают еще более обширные массы людей, мгновенно разбилось о ее незамутненный взгляд нового человека. Представителя нового поколения. Свеженькую личность, которая лучше знает — что лично ей понадобится в жизни. Которой недосуг выслушивать рассуждения бабки, пусть и любимой...

И я вспомнила свою бабку Рахиль.

Ташкентское землетрясение (раньше я писала «знаменитое ташкентское землетрясение», но с недавних пор поняла, что величие того или иного события связывается с непрочными жизнями переживших его, и быстро тускнеет для остальных), — ташкентское землетрясение 1966 года грянуло, когда мне исполнилось тринадцать лет. Подземные толчки растрясли половину города, в основном, конечно, частную застройку. Саманный домик моего дядьки, слепленный после войны его собственными руками, растрясло изумительно точно, я бы сказала, концептуально точно: из него вывалилась наружу одна стена. Целая стена той комнаты, где я спала на топчане, приезжая к бабке на каникулы трамваем.

Помню яркое апрельское утро, слегка курящееся повсеместно поднятой пылью от развалин. Я проснулась на своем топчане и сижу на нем, как на сцене, свесив босые ноги. Ибо снаружи стоит во дворе моя бабка Рахиль, и, оперев руки в бока, толкует с моими друзьями Мишкой и Семкой.

— Теть Рахилия-а-а... — тянут они. — Отпустите Динку скорпионов в банку ловить...

ЗАВЕДЕННЫЙ ПОРЯДОК ЭТОГО МИРА

Скорпионы, потревоженные судорогами почвы, действительно полезли из всех саманных щелей, из обломков кирпичей и действительно возникли всюду в огромных количествах: Азия... Мы их ловили в банки, заливали разными жидкостями, и этот сок считался противоядием от укусов. Банку можно было недурно продать и обогатиться: мороженого закупить, надувных шариков, деревянных свистулек. Занятие весьма опасное, что и говорить. Но с каких это пор опасность отпугивала настоящих охотников?

— Я вам дам скорпиенов! — вопит моя бабка. — Хляньте на этих паразитов! Такое хоре крухом, люди остались без дому, без постели, а у вас одни удовольствия в холове!

С возрастом начинаешь за возрастом следить: замечаешь некую цикличность жизни, неумолимое обаяние ее бестрепетного хода, ровный бег этих валов, наплыв — откат, весну — осень...

Однажды, прихватив маму и беременную дочь, я вывезла их прогуляться-проветриться. Мы катили по шоссе, за моей спиной моя мама и моя дочь о чем-то оживленно спорили, причем дочь повторяла, что, мол, бабуля, ты просто не в состоянии что-то там понять. Или что-то в этом роде. Я тоже время от времени встревала в их спор со своими репликами. И вдруг с пронзительной ясностью поняла, что сейчас, в этой машине, находятся четыре поколения женщин моей семьи, моего рода, одна из которых еще в утробе сидит, но вполне вероятно, к разговору прислушивается и свое мнение имеет. Я расхо-

ДИНА РУБИНА

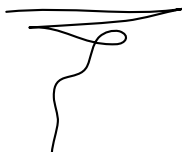
хоталась и на вопрос мамы и дочери — о чем это я, отвечать не стала: тогда бы они меня просто не поняли...Просто не поняли, что до меня донесся тихий шелест иных голосов.

Тихий шелест разговоров давно ушедших стариков, которые почему-то с годами разгораются в тебе все ярче, становятся все дороже. И вот сейчас бы ты поговорила, вот сейчас бы расспросила обо всем. Откуда взялась и как проросла в наследниках прабабка-цыганка, и что ж это за глупость такая, что, потеряв ценную вещь (кольцо или серьгу, или кошелек, например, вытащили), ты радуешься хорошему знаку: отпустили, выходит, тебя там, наверху, если взяли деньгами...

А потом ты просто осознаешь со слепящей ясностью, что ты и есть — просто звено в этой цепочке рода, просто ячейка генов, просто ступень в бесконечность бесконечных переплетений родственных жизней от Евы до...может быть, другой Евы?

И тогда ты мысленно раскидываешь руки, пальцами правой касаясь давно истлевшей руки собственной бабки, а пальцами левой — маленькой юркой ручки собственной внучки, и удовлетворенно понимаешь: ты на месте. Ты там, где, даже и умерев, положено тебе стоять во веки веков.

Дина Рубина

ДОРОГА ДОМОЙ

Сет в восемь или девять я сбежала из пионерского лагеря, первого и последнего в моей жизни. Подробностей не помню; кажется, он был обкомовским, этот лагерь, и находился в предгорьях Чимгана, километрах в двадцати от города, где-то в районе Газалкента.

Меня туда пристроила по блату мамина подруга, и, усаживая меня в автобус, мама оживленно твердила, что на завтрак там дают икру и сервелат — это было основным доводом в пользу моего удаления из дома. Я же не понимала, кому и чем так помешала моя вольная беготня по окрестным улицам и дворам, чтобы запихивать меня в автобус с целой оравой горластых обормотов и так далеко увозить: растерянность кошки, выглядывающей из неплотно застегнутой сумки.

И недоумение: что мне этот сервелат? А скользкая соленая икра, медленно и жутко шевелящаяся, тогда просто внушала отвращение.

В лагере помню только утренние пионерские линейки и резь в глазах от хлорки, густо посыпаемой в чудовищном казарменном туалете с дырками

ДИНА РУБИНА

в полу. Сейчас пытаюсь припомнить какие-нибудь издевательства или серьезную обиду, из чего бы состряпать убедительный эпизод, оправдывающий мой дикий поступок... Нет. Ничуть не бывало! Человеку, для которого главное несчастье — место в пионерском строю и общая спальня, незачем придумывать иные ужасы. Видимо, я просто не была создана для счастливого детства под звуки горна. Впрочем, я всегда игнорировала счастье.

Сбежала я на четвертый день, дождавшись отбоя. В темноте не удалось нащупать под кроватью сандалии, поэтому, бесшумно выбравшись через открытое окно на веранду, я отправилась восвояси босиком. Это было не страшно: кожа на ступнях за лето становилась задубело-нечувствительной. Пролезши через дырку в заборе и по остановке автобуса вычислив направление на Ташкент, я побежала по еще теплой от дневного жара асфальтовой дороге, сначала бодро и возбужденно (мне все чудилась погоня, так что, заслышав стрекот далекой машины, я сбегала с дороги и пряталась в кустах, а если их поблизости не было, просто падала лицом и животом в высокую придорожную траву, сильно пахнущую шалфеем и полынью), потом шла все медленней, затем, под утро, уже устало плелась...

Я шла, чувствуя направление внутренним вектором, как та же кошка, завезенная черт знает в какую даль...

Чем глубже в топкую вязкую ночь погружалось окрестное предгорье, тем выше и прозрачнее становилось небо над головой. Великолепная россыпь

ДОРОГА ДОМОЙ

ярко мигающих тревожных звезд — игольчатый иней на гигантском стекле — пульсировала в невыразимой, несказанной вышине. Там шла бесконечная деятельная жизнь: неподвижными белыми прожекторами жарили крупные звезды; медленно ворочались, перемещаясь, маяки поменьше; суетливо мигали и вспыхивали бисерные пригоршни мелких огней, среди которых носились облачка жемчужной звездной пыли. Все жило, все плыло и шевелилось, боролось, заикалось, требовало, вздымалось и опадало в той ужасающей, седой от звезд бездневерху... Там шла какая-то непрерывная контрольная по геометрии: выстраивались фигуры — окружности, углы и трапеции, а прямо в центре неба образовался квадрат — окно, довольно четко обозначенное алмазным пунктиром, и, сколько бы я ни шла, то убыстряя, то замедляя шаг, это окно плыло и плыло надо мной, и мне казалось, что внутри своих границ оно содержит звезды более яркие, более устрашающие и одушевленные, и что наверняка где-то там, в другой вселенной, тоже идет по дороге одинокая и упрямая девочка, и над ней тоже плывет призывное это окно... Я придумала себе, что там вот-вот что-то произойдет, мне что-то покажут в этом космическом окне, поэтому то и дело останавливалась, задирала голову и пристально следила за знаками, каждый раз обнаруживая удивительные события: новые вспышки завихрений, новые сообщества беспокойно мигающих звезд... Иногда я принималась энергично махать руками, подавая знаки той, другой девочке: а вдруг у них такая развитая цивили-

ДИНА РУБИНА

зация, что она меня видит в какой-нибудь космический телескоп?

Раза два-три за всю ночь темная дорога вливалась в какие-то населенные пункты, скудно освещенные десятком глухих фонарей. Каплями густого меда вдали теплились окна кишлаков, тянуло горчайшим дымом горящего кизяка, и разной высоты голосами перебрехивались псы, отвечая на дрожащий крик осла...

Я шла всю ночь; на рассвете добрела до трамвайного круга на окраине города, дождалась первого пустого трамвая и бесплатно (кондукторша очень испугалась, увидев меня) доехала до дома.

Впоследствии никто из знакомых, и родители тоже, не верили, что я прошла весь этот путь ногами.

— Тебя подвезли? — допрашивали меня. — На машине? На повозке? На велосипеде? Ведь ты не могла проделать босиком весь этот путь одна, да еще ночью...

Именно одной и ночью, молча возражала я, только одной и ночью можно было проделать этот долгий одинокий путь среди бушующих запахов предгорья, под бесконечным и бесчисленным воинством планет, комет и астероидов, что так страшно и глубоко дышали и сражались в небесном окне над моей головой...

Эта дорога домой под лохматым от звезд горным небом, запахи чабреца, лаванды и горчащий дым кизяка от кишлаков, дрожащий, страдающий крик

ДОРОГА ДОМОЙ

осла на рассвете — все это, при желании возбуждаемое в моей памяти и носовых пазухах в одно мгновение, останется со мною до последнего часа.

Именно в ту ночь я стала взрослой — так мне кажется сейчас. Мне кажется, в ту ночь возвращения домой под невыразимо ужасным и невыразимо величественным небом я поняла несколько важных вещей.

Что человек одинок.

Что он несчастен всегда, даже если очень счастлив в данную минуту.

Что для побега он способен открыть любое окно, кроме главного — недостижимого окна-просвета в другие миры...

Отчетливо помню лицо отца, который открыл мне дверь часов в шесть утра. За ним с воплем выбежала мама в ночной рубашке: не ждали...

Почему-то меня не отлупили. Выяснить сейчас у мамы причины этого считаю бестактным, да она и сама вряд ли помнит. Но подозреваю, что отец мне втайне сочувствовал: он и сам господин не из компанейских. Мама же причитала, ужасалась, сокрушалась. Дело, конечно, не в сервелате и не в «горном воздухе для здоровья», а просто — это ж уму непостижимо: да любому бы ребенку... да другой мечтал бы о таком счастье... и вообще, полюбуйте на это чудо — разве это нормальная девочка?

Я молча прошла в узкую, как пенал, «детскую», где спали мы с сестрой, и легла на свой диван с од-

ДИНА РУБИНА

ним валиком в головах; другой я давно отбрыкнула удлинившимися за год ногами.

Мимо меня плыли темные поля с рассветными огоньками далеких окон, на пепельном небе замирали и гасли звезды, асфальт под босыми ногами давно остыл. Я шла и шла, и была главной осью Вселенной, крошечным колышком, вокруг которого вращались бездонные, беспросветные, раз и навсегда неизменные миры...

Что-то осталось во мне после того побега из пионерлагеря, после той длинной ночной дороги домой; я думаю — бесстрашие воли и смирение перед безнадежностью человеческого пути. Что увидела я — ребенок — в том неохватном, том сверкающем окне Вселенной, о чем догадалась навек?

Что человек одинок?

Что он несчастен всегда, даже если очень счастлив в данную минуту?

Что для побега он способен открыть любое окно, кроме главного — недостижимого окна-просвета в другие миры?

Июнь 2011 г.

БАБКА

на звала меня «мамэлэ» и...

Вновь и вновь ворошу память: что бы еще дополнило благостный образ еврейской бабушки? Боюсь, что ничего. Вот уж благости в моем роду днем с огнем не сыскать; в бабке — тем более.

Правда, на давней сохранившейся карточке выражение лица у нее не то что умиленное или смиренное, скорее... постное. Разве что очи не возведены к небесам. Полагаю, придуривалась.

Снята она восемнадцати лет — длинные косы вдоль длинного платья — на фоне каких-то живописных развалин. Нога в узкой туфельке с медной пряжкой попирает обломок скалы, за спиной — витые колонны, мавританские арки, забранное плющом окошко венецианского замка... Фотограф местечка Золотоноша питал возвышенную страсть к искусству и декорации в своей студии расписывал сам.

Дочери Пинхуса Когановского сняты им на карточки в один летний день начала прошлого века (все пять в легких платьях); и ему потребовалось немало фантазии в рассуждении композиции, дабы расставить их в разных, чрезвычайно изысканных